1 1 АПР 1964

Редакция получила письмо из Киева. Старый большевик А. Соловьев просил рассказать читателям газеты о его дру-

ге — чапаевце Р. Талере. «Человек этот достоин внимания, — писал тов. Соловьев, — хотелось, чтобы вы у него побывали. Живет он сейчас в Караганде».

Мы выполнили просьбу А. Соловьева.

УВИДЕВ этот заголовок, читатель, наверное, вспомнит известную книгу генерала А. Игнатьева и подумает, что речь пойдет о человеке, связавшем свою судьбу с армией. Отчасти это действительно так. Наш герой воевал на фронтах гражданской войны.

Но рассказ не только об этом. Мы хотим познакомить читателя с человеком трудной и прекрасной судьбы. С человеком, который вот уже пятьдесят лет служит своим искусством народу. Служит, несмотря ни на какие жизненные испытания, бескорыстно, самоотверженно. Ни талант этого человека, ни сам он не признают отставки.

НА УЛИЦАХ Караганды лютует буря. Пронзительный, холодный ветер несет из степи волны колючего снега, наметая высокие сугробы. Робко пробиваются через снежную круговорот электрические огни. Кажется, все живое попряталось за стенами домов и не рискует показаться на улице.

Но вот из белесого мрака вынырнули люди. Восемь школьников и учитель, держась друг за друга, пробираются к дому, на одной из дверей которого есть табличка: «Молодежная театральная студия».

Отряхнулись в подъезде. Постучали.

И вот притихшие, сосредоточенные, они сидят уже вокруг большого стола и жадно ловят каждое слово своего педагога, седовласо-

го человека с лучистыми, веселыми глазами. Ни зминая непогодь, ни весенняя распутица — ничто не может сорвать занятий студии. На одно из них заглянули и мы.

Пока Таня Теселько и ее друзья репетируют сцену из будущего спектакля, мы тихонько беседуем с преподавателем литературы Валентином Трапезниковым.

— От нашей 135-й школы в студию ходят пять групп. Вот эти ребята готовят инсценировку по роману Л. Леонова «Русский лес». Вторая группа ставит «Урок дочкам» И. Крылова, а третья — «Заветную мечту» А. Валевского. Есть у нас кукольный театр. Там учащиеся младших классов. Кукольники готовят сейчас к постановке «Теремок» и «Репку». Отдельно работает группа художественного слова. Каждая группа занимается два раза в неделю.

— Смотрю на них и вспоминаю далекое, уже ставшее легендой время, славных парней и девочек, многие из которых не дожили до наших дней, — шепотом говорит нам Роланд Фридрихович.

В АГУСТЕ 1919 года юный Роланд Талер прибыл в прославленную 25-ю стрелковую дивизию, которой командовал Василий Иванович Чапаев. В мандате, чудом уцелевшем с той поры, говорится, что Талер является инструктором-режиссером походного театра и ему поручается агитационно-организационная и культурно-просветительная работа в частях дивизии.

В Чапаевском походном театре, основанном Дмитрием Андреевичем Фурмановым и его женой — Анной Никитичной, были люди разных возрастов и дарований. И пьесы ставились тоже разные. Играли

Островского, Чехова, Горького и таких авторов, имена которых вряд ли известны даже историкам советского театра, но чьи произведения, непременно именовавшиеся в афишах революционными пьесами, делали свое нужное дело — заряжали бойцов ненавистью к белякам, мужеством, стойкостью.

Вот программы трех последних дней августа 1919 года. Театр находился в Лбищенске. 29 августа были показаны: революционная пьеса «Гражданин», комедия «Дым без огня» и одноактный водевиль «Невольный двоеженец или роковая ошибка». 30 августа шла революционная пьеса «Враги свободы», а 31 августа давался спектакль «Дезертиры или живые призраки». На всех представлениях неизменно присутствовал Василий Иванович Чапаев.

Новые спектакли появлялись почти каждый день. Работали чуть ли не круглые сутки — репетиции, репетиции, а потом спектакль. Начдив так и сказал артистам: «Бойцы целый день воюют, а вы целый день занимаетесь театром, потому что ваш фронт — искусство»...

Вскоре легендарный начдив трагически погиб...

Театр некоторое время не работал. Тяжело заболел его режиссер. Он был так безнадежен, что его отцу сообщили: «Талер Р. Ф. умер от сыпного тифа».

Но он выжил и вернулся в строй. Под знаменами славной Чапаевской дивизии прошел по дорогам Польского фронта. И потом еще долго сражался с врагами и своим искусством, и с винтовкой в руках.

ШКОЛЬНИКИ, репетировавшие «Русский лес», еще не успели уйти, а в прихожей появился рослый молодой человек. Лев Колосов — помощник машини-

ста тепловоза, один из активнейших участников самодеятельности.

— Оказывается, в студии занимаются не только школьники?

— Нет, не только. У меня занимается больше ста пятидесяти человек.

Сто пятьдесят человек... И каждому нужно время — и не минуты, а часы, с каждым надо много заниматься, каждого направить, научить, озарить и зажечь любовью к искусству.

РОЛАНДУ Фридриховичу семьдесят лет. Жизнь полной мерой отпустила ему всего: был большой напряженный труд, были суровые невзгоды и грозные испытания.

После гражданской войны Р. Талер работал во многих театрах России. В Самаре он ставил М. Горького и первые советские пьесы о революции. В Мелекесе старожилы помнят проведенный им литературно-политический суд над героями «Выстрела» А. Безыменского, в Барнауле — спектакли по Шекспиру, Мольеру. А потом — Казахстан. Здесь Роланд Фридрихович был главным режиссером Чимкентского театра. С труппой «По степям Казахстана» объездил десятки аулов, затерявшихся в знойных песках. Гастрольные туры, совершаемые на верблюдах, насчитывают тысячи верст.

Это годы большого труда, творческих поисков, горения.

В годы культа личности Р. Талер был безвинно осужден. Но и тогда его не оставляли оптимизм и бодрость, так как непоколебимой была вера в правду, в справедливость.

Пришел час, которого многие ждали. Роланда Фридриховича освободили и полностью реабилитировали. И снова он ушел весь без остатка в любимую работу...

Перед многими жизненными трудностями не отступил этот человек. Не сдался он и предательски обрушившейся

на него болезни. Паралич... Вот тогда-то и родилась мысль о создании на дому театральной студии.

Перелистывая альбом с материалами, относящимися к 1914 году, Роланд Фридрихович немного задумался. Мелькают пожелтевшие от времени театральные афиши, программы, газетные вырезки, фотографии.

— Вот таким я начал свою жизнь в искусстве. И знаете, где это было — в бывшем Симбирске, в антрепризе Гудкова. Как сейчас помню свои первые роли: Вожеватов — в «Бесприданнице», Погуляев — в «Пучине». А ведь с той поры минуло полвека...

Седой человек неподвижно сидит за столом — его ноги сковал мучительный недуг. Но пылкое сердце чапаевца, но крылатая мысль художника не признают болезни. Они, как и всегда, в строю. И люди беспрерывно идут к этому сильному духом человеку. Точно так же, как шли они когда-то к Николаю Островскому. Как идут сегодня к оренбургскому комбайнеру Прокофию Нектову, к бригадиру из Братска Борису Гайнуллину.

Люди почитают мужество.
Б. ШАХОВИЧ,
спец. корр. «Советской культуры».

КАРАГАНДА.

95